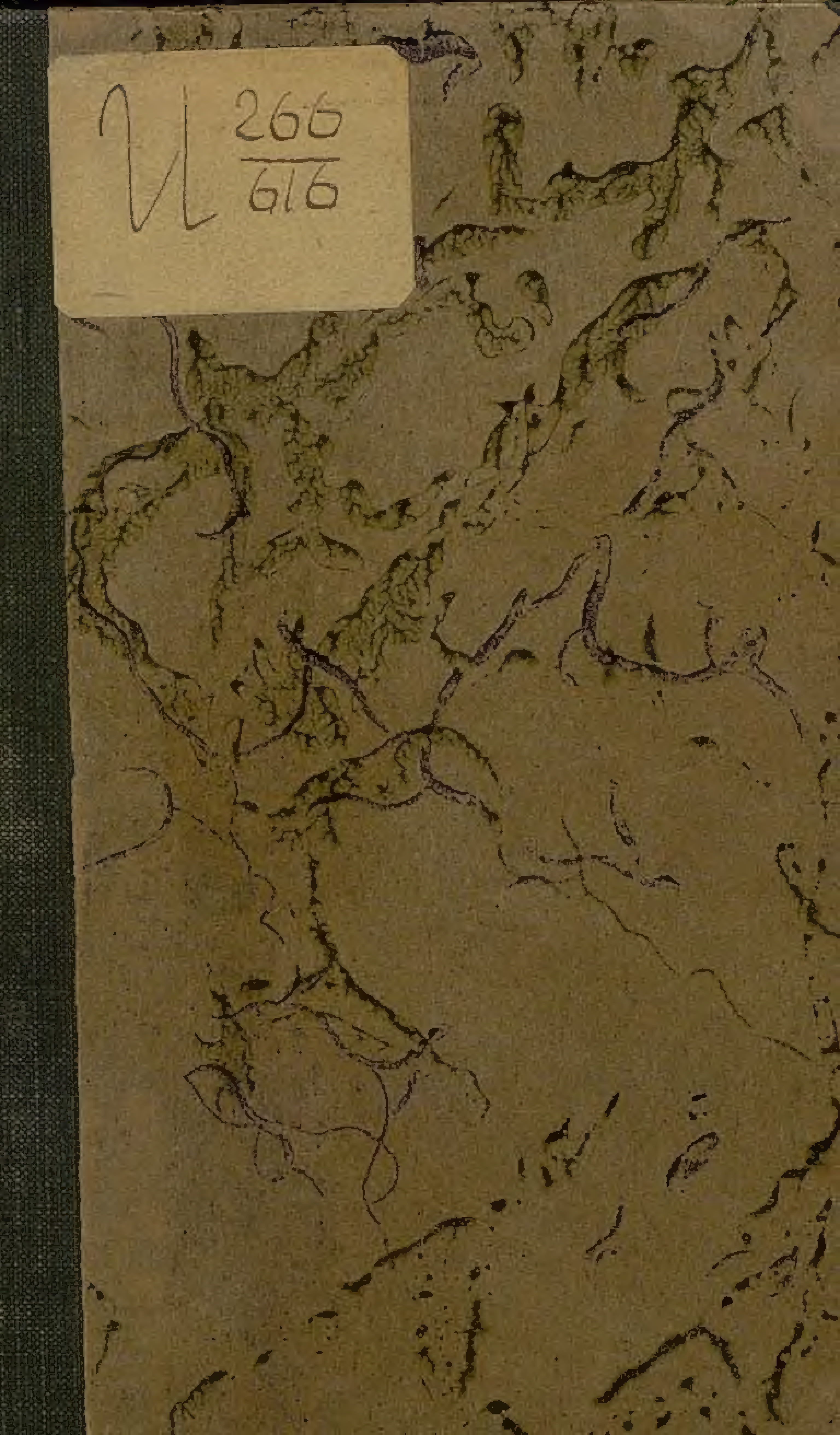

266
616

2007088008

ДЕРЖАВИНЪ И ГРАФЪ ПЕТРЪ ПАНИНЪ.

ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ. Препровождая къ вамъ, по желанію вашему, для напечатанія въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», отрывокъ изъ составляемой мною біографіи Державина, нужнымъ считаю упомянуть, что это вмѣстѣ съ тѣмъ эпизодъ изъ исторіи пугачевскаго бунта, основывающійся на рукописныхъ источникахъ, которыхъ большую часть мнѣ удалось найти въ государственномъ архивѣ. Собственный разсказъ Державина о томъ же періодѣ его жизни, помѣщенный въ его запискахъ, составилъ только одинъ изъ матеріаловъ, которыми я пользовался; почти вовсѣхъ своихъ подробностяхъ онъ подвергся тщательной повѣркѣ съ подлинными документами. Въ рукахъ моихъ была сверхъ того доставленная мнѣ родственниками Державина, какъ офиціальная, такъ и частная переписка, веденная имъ въ пугачевщину съ разными лицами. Часть ея была напечатана мною уже прежде въ одномъ изъ изданій Академіи Наукъ; для настоящей статьи она послужитъ только второстепеннымъ матеріаломъ.

Продолжая при такихъ же пособіяхъ и при тѣхъ же пріемахъ обработку дальнѣйшей біографіи Державина, я имѣю въ виду представить трудъ, какъ для исторіи всей его эпохи, такъ и для безпристрастной оцѣнки многообразной дѣятельности Державина, для повѣрки всѣхъ разнородныхъ сужденій, которыя въ разное время были о немъ высказываемы. *Я. Гротъ.*

Недовольный наградами *), полученными имъ за взятіе Бендеръ въ 1770 году, графъ Петръ

*) Военнымъ орденомъ 1-й степени и 2,500 душъ крестьянъ.

Панинъ тогда же испросилъ увольненіе отъ службы и съ тѣхъ поръ жилъ по большей части въ Москвѣ. Между тѣмъ, графъ Никита Ивановичъ, пользуясь большимъ вѣсомъ при дворѣ, легко могъ поддерживать своего брата въ мнѣніи Императрицы. Когда, послѣ паденія Казани, Екатерина увидѣла необходимость болѣе энергическихъ мѣръ противъ Пугачева и сама уже думала ѣхать въ Москву, чтобы стать во главѣ своей арміи, Никита Панинъ указалъ ей, для этого дѣла, на своего брата, который незадолго передъ тѣмъ громко выражалъ намѣреніе вооружить своихъ крестьянъ, идти съ ними противъ Пугачева и подчиниться начальнику перваго отряда, который онъ встрѣтитъ. Екатерина поручила графу Никитѣ Ивановичу увѣдомить брата, что она принимаетъ сдѣланное ей предложеніе, и 29-го іюля подписала въ Петергофѣ бумаги о назначеніи Петра Панина, которыя въ тотъ же день и повезъ въ Москву капитанъ Лунинъ. Съ какимъ восторгомъ честолюбивый вельможа принялъ извѣстіе о своемъ назначеніи, видно изъ первыхъ писемъ его къ Императрицѣ; но страдая подагрой и разными болѣзненными припадками, хотя ему было еще не болѣе 53 лѣтъ отъ роду, Панинъ опасался, что новая дѣятельность его можетъ быть внезапно прервана болѣзнію или даже смертію: чтобы въ такомъ случаѣ не могли произойти послѣдствія, подобныя тѣмъ, какія повлекла за собою кончина Бибикова, онъ просилъ Императрицу избрать тогда же генерала, который могъ бы замѣнить его, какъ скоро будетъ нужно. Екатерина и безъ того уже писала Румянцову, чтобъ

онъ поскорѣе прислалъ изъ арміи Суворова; тѣмъ болѣе она теперь была рада поводу дать ему такое назначеніе при Панинѣ.

Со времени раззоренія Казани, Москва съ трепетомъ ждала Пугачева. Слухъ о мирѣ съ Турціею значительно успокоилъ умы жителей древней столицы; однакожъ нападеніе на нее все еще казалось вѣроятнымъ. Екатерина отправила туда нѣсколько полковъ подъ командою генералъ-маіора Чорбы и дѣятельно переписывалась съ московскимъ градоначальникомъ, княземъ М. Н. Волконскимъ. По назначеніи графа Панина, она просила ихъ обоихъ дѣйствовать единодушно; между тѣмъ и сама сбиралась ѣхать въ Москву вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ Павломъ Петровичемъ.

Вступивъ въ новую должность 2-го августа, графъ Панинъ имѣлъ нѣсколько совѣщаній съ княземъ Волконскимъ и не хотѣлъ оставлять Москвы, пока не выяснится вполнѣ планъ движеній Пугачева. Наконецъ, 17-го августа, Панинъ выѣхалъ въ Коломну. Удержавъ подъ своимъ собственнымъ главнымъ предводительствомъ отрядъ генералъ-маіора Чорбы, онъ намѣревался идти до самыхъ передовыхъ отрядовъ. Черезъ Коломну и Переславль-Рязанскій, онъ направилъ путь на Шацкъ, а оттуда на Керенскъ, Нижній-Ломовъ и Пензу. Замѣчая, что въ мѣстахъ, гдѣ проходитъ Пугачевъ, подсылаемые имъ люди въ тылу его возмущаютъ крестьянъ, и такимъ образомъ составляются новыя многочисленныя шайки, графъ Панинъ рѣшился на самыя строгія мѣры. Въ первое время послѣ его назначенія распространился было въ

народѣ слухъ, что братъ дядьки Наслѣдника ѣдетъ съ хлѣбомъ и солью на встрѣчу Императору. Чтобы скорѣе опровергнуть этотъ слухъ, Панинъ захотѣлъ показать всѣмъ, какую хлѣбъ соль онъ везетъ, и немедленно приступилъ къ жестокимъ казнямъ. Тогда убѣдились, что если уже братъ дядьки Великаго Князя такъ дѣйствуетъ, то признаваемый за Петра III есть подлинно самозванецъ. Обнародовавъ печатное, сенатомъ утвержденное, увѣщаніе ко всѣмъ жителямъ трехъ ввѣренныхъ ему губерній *), онъ вслѣдъ за тѣмъ разослалъ циркуляръ о наказаніяхъ бунтовщикамъ: между прочимъ, предписывалось во всѣхъ непокорныхъ селеніяхъ поставить и впредь до указа не снимать «по одной висѣлицѣ, по одному колесу и по одному глаголю для вѣшанія за ребро». Изъ всѣхъ мѣстъ, гдѣ онъ останавливался, Панинъ писалъ подробныя донесенія Императрицѣ, поражающія насъ своимъ плодовитымъ велерѣчіемъ и подобострастнымъ тономъ, особливо въ сравненіи съ безъискусственными донесеніями Бибикова, который и подписывался не иначе, какъ *всеподданнѣйшій*, тогда какъ Панинъ къ этому всегда прибавлялъ еще слово *рабъ*. Екатерина отвѣчала ему очень подробно и милостиво, обыкновенно на нѣсколько донесеній разомъ; эти отвѣты писались начерно собственно Ея рукою. Въ началѣ Панина очень тревожило, что онъ долго не получалъ извѣстій объ успѣхахъ передовыхъ отрядовъ. Эту заботу онъ не разъ выражалъ въ перепискѣ своей съ княземъ Петромъ Михайловичемъ Голицынымъ, который до его назначенія былъ ко-

*) Казанской, Оренбургской и Нижегородской.

роткое время главнокомандующимъ и котораго онъ теперь называлъ «надежнѣйшимъ своимъ содѣйственникомъ».

24-го августа графъ Панинъ находился въ селѣ Ухоловѣ, на полудорогѣ между Переславлемъ-Рязанскимъ и Шацкомъ. Вдругъ къ нему прискакалъ въ одномъ кафтанѣ, на открытой телѣгѣ, Суворовъ и, получивъ его приказанія, тотчасъ же отправился для принятія начальства надъ самыми передовыми отрядами. Панинъ поспѣшилъ донести о томъ Императрицѣ; Екатерина рескриптомъ изъявила Суворову свое благоволеніе «за таковую хвалы достойную проворную ѣзду» и приложила двѣ тысячи червонцевъ на экипажъ, «котораго онъ за нужно не нашелъ взять»; но, не смотря на скорую ѣзду, Суворовъ на этотъ разъ опоздалъ: онъ явился къ Панину только наканунѣ послѣдняго пораженія Пугачева Михельсономъ, при Черномъ Ярѣ, и поспѣлъ въ Царицынъ не ранѣе 3-го сентября.

Изъ подчиненныхъ лицъ, участвовавшихъ въ распоряженіяхъ и дѣйствіяхъ противъ Пугачева, особенною благосклонностію Панина пользовался капитанъ Измайловскаго полка Лунинъ *). Онъ былъ старшимъ изъ офицеровъ, взятыхъ еще Бибиковымъ въ члены секретной коммиссіи, учрежденной въ Казани для слѣдствія и суда надъ сообщниками Пугачева. При избраніи Панина въ главнокомандующіе, Лунинъ находился въ Петербургѣ и повезъ ему въ Москву указъ и рескриптъ о его назначеніи. Вниманіе Императрицы къ Лунину доставило ему видное

*) Александръ Михайловичъ, впослѣдствіи губернаторъ полоцкаго намѣстничества и, наконецъ, сенаторъ.

положеніе и при Панинѣ, который, приближаясь постепенно къ театру главныхъ военныхъ дѣйствій, поручилъ ему истребленіе бунтовщичьихъ шаекъ въ тылу Пугачева, и въ донесеніяхъ своихъ всегда отзывался о немъ съ особенною похвалой.

Не такъ счастливъ былъ другой офицеръ секретной коммиссіи, поручикъ преображенскаго полка *Державинъ*. До сихъ поръ онъ находился въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ со всѣми своими начальниками по этой командировкѣ. Принявъ его къ себѣ на службу, по собственному его вызову, благородный и просвѣщенный Бибиковъ сразу оцѣнилъ достоинства своего новаго подчиненнаго и сталъ оказывать ему уваженіе и довѣріе, выражавшіяся какъ въ перепискѣ съ нимъ, такъ и въ важныхъ порученіяхъ, которыя на него возлагались. Отправясь изъ Казани въ Оренбургъ, за мѣсяцъ до смерти своей, Бибиковъ послалъ Державина, какъ расторопнаго, разсудительнаго и энергическаго офицера, въ окрестности Саратова съ особенною цѣлью. Считая возможнымъ, что Пугачевъ, въ случаѣ пораженія его, будетъ по прежнему искать убѣжища на Иргизѣ, главнокомандующій приказалъ Державину ѣхать на Волгу въ село Малыковку (нынѣшній городъ Вольскъ) и тамъ принимать всевозможныя мѣры, чтобы не дать Пугачеву вторично укрыться въ раскольничьихъ скитахъ. Когда, послѣ двухъ побѣдъ князя Петра Мих. Голицына въ Оренбургскомъ краѣ, разбитый Пугачевъ бросился не туда, гдѣ его стерегли, а въ Уральскія горы, то Державинъ, не желая оставаться празднымъ, сталъ дѣятельно стре-

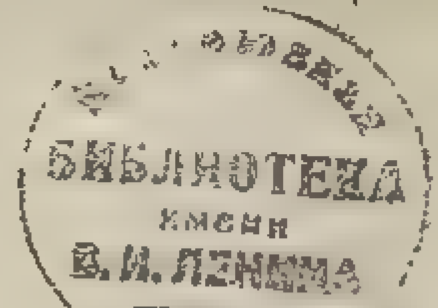
миться къ участію въ военныхъ дѣйствіяхъ. Онъ выпросилъ себѣ отрядъ артиллеріи изъ Саратова, досталъ сотню казаковъ, вооружилъ нѣсколько сотъ крестьянъ и предпринималъ поиски надъ шайками бунтовщиковъ. Между тѣмъ, къ глубокому его огорченію, Бибиковъ умеръ. При новомъ главнокомандующемъ, князѣ Ѳедорѣ Ѳедоровичѣ Щербатовѣ, который, впрочемъ, былъ назначенъ только временно и съ ограниченною властью, Державинъ сохранилъ прежнее свое положеніе и пользовался со стороны его тѣмъ же вниманіемъ. Теперь, кромѣ казанской секретной коммиссіи, учреждена была Императрицею еще другая—оренбургская, и надъ обѣими былъ назначенъ особый начальникъ, генералъ-маіоръ Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ, троюродный братъ знаменитаго любимца. Прибывъ въ Казань и прослѣдивъ по переданнымъ ему бумагамъ все сдѣланное Державинымъ, онъ также возъимѣлъ о немъ отличное мнѣніе и вступилъ съ нимъ въ самыя дружелюбныя сношенія. Послѣ сожженія Пугачевымъ Казани, князь Щербатовъ былъ отозванъ въ Петербургъ, и мѣсто его передано князю Голицыну, который, уже зная Державина по прежнимъ сношеніямъ съ нимъ, равнымъ образомъ оказывалъ ему особенное благорасположеніе. Когда сдѣлалось почти несомнѣннымъ, что и низовьямъ Волги не миновать Пугачева, то Державинъ, находясь въ Саратовѣ, принялъ участіе въ совѣщаніяхъ мѣстныхъ властей о способѣ обороны этого города, который тогда принадлежалъ къ Астраханской губерніи. Къ несчастію, въ немъ господствовало тогда разновластіе. Губернаторъ,

Петръ Никитичъ Кречетниковъ, вопреки данной ему инструкціи, уѣхалъ въ Астрахань и оставилъ дѣла на попеченіе двухъ независившихъ другъ отъ друга начальниковъ, которымъ онъ велѣлъ дѣйствовать съ общаго согласія. Одинъ изъ нихъ былъ комендантъ, полковникъ *Бошнякъ*, а другой—начальникъ конторы иностранныхъ поселенцевъ (нѣмецкихъ колонистовъ), статскій совѣтникъ *Лодыжинскій*. Послѣдній не былъ подчиненъ не только коменданту, но и самому губернатору, а зависѣлъ непосредственно отъ особой канцеляріи по дѣламъ колоній, находившейся въ Петербургѣ подъ начальствомъ князя Г. Г. Орлова. Скоро между Лодыжинскимъ и Бошнякомъ произошелъ раздоръ; Державинъ присталъ къ Лодыжинскому. Несогласія не ограничились одними словами: Державинъ и Лодыжинскій требовали работниковъ отъ всего купечества и мѣщанства; Бошнякъ мѣшалъ работамъ; весь городъ былъ въ волненіи. Державинъ, слыша, что Пугачевъ уже приближается къ городу Петровску, отправился туда съ сотнею казаковъ, чтобы заблаговременно вывезти оттуда казну, пушки и порохъ, но казаки, узнавъ, что городъ уже во власти Пугачева, передались ему; Державинъ съ трудомъ спасся отъ посланной за нимъ погони. Между тѣмъ къ нему прислано было извѣстіе, что собранные имъ въ Малыковкѣ крестьяне бунтуютъ и не хотятъ идти на защиту Саратова. Тогда, считая свое присутствіе болѣе нужнымъ въ другомъ мѣстѣ, видя, что здѣсь всѣ его хлопоты остались безплодны и что упрямый Бошнякъ, воображая по ложнымъ слухамъ, будто Пугачевъ не придетъ, ни-

чего не сдѣлалъ для обороны Саратова,— Державинъ рѣшился оставить этотъ городъ, и выѣхалъ изъ него часовъ за пятнадцать до прихода Пугачева. Такимъ поступкомъ онъ, конечно, подавалъ противъ себя оружіе врагамъ своимъ, но онъ считалъ себя правымъ, потому что собственно не былъ обязанъ находиться въ Саратовѣ и пріѣхалъ туда добровольно, тогда какъ команда его оставалась въ другомъ мѣстѣ; притомъ же еще дня за два Бошнякъ, по приказанію Кречетникова, писалъ ему, чтобъ онъ изъ Саратова удалился туда, гдѣ его настоящій постъ... Державинъ отправился на соединеніе съ собранными имъ крестьянами, но едва не попался въ руки сообщниковъ Пугачева, которые его искали, и, наконецъ, благополучно прибылъ въ Сызрань, къ отряду генералъ-маіора Мансурова. Оттуда онъ вскорѣ опять поѣхалъ въ окрестности Саратова.

Вскорѣ послѣ назначенія графа Панина, всѣ обстоятельства какъ будто нарочно соединились къ тому, чтобы совершенно испортить положеніе Державина.

Мы сказали, что Павелъ Потемкинъ (начальникъ секретныхъ коммиссій) полюбилъ его, а отношенія между Панинымъ и Потемкинымъ были не дружескія. Императрица, поручивъ Панину усмиреніе мятежа, не подчинила ему Потемкина, который продолжалъ по прежнему посылать прямо къ ней свои донесенія. Это должно было поселить неудовольствіе между обоими генералами. Панинъ не могъ не знать объ отношеніяхъ Павла Потемкина къ Державину, получивъ еще въ Москвѣ отъ князя Голицына ко-

пію съ рапорта Державина начальнику секретныхъ коммиссій. Въ этой бумагѣ Державинъ, извѣщая о своемъ намѣреніи отправиться въ Петровскъ и выражая свои опасенія за Саратовъ, такъ жаловался на Бошняка: «комендантъ явнымъ дѣлается развратителемъ народа и посѣваетъ въ сердца ихъ интригами недоброхотство, говоря, чтобъ не наряжалъ ихъ полицеймейстеръ на работу ретраншамента, а какъ хотятъ-де они сами; чрезъ то чернь ропщетъ и указываетъ, что имъ комендантъ не велитъ.» Сообщая потомъ о нѣкоторыхъ изъ своихъ распоряженій, Державинъ прибавляетъ: «Кажется, всѣ беру мѣры, но не станетъ моихъ силъ по желанію и усердію моему все исполнять, за препятствіемъ разныхъ мнѣній. Снимите съ меня, ваше превосходительство, бремя сіе, которое назвать изволили вы пространнымъ полемъ, либо дайте силъ къ удобоношенію его. Прикажите подтвердить въ округу сію, чрезъ непосредственное могущество свое, чтобъ меня еще лучше внимали. О, когда бы, при соотвѣтствованіи усердію моему Божіей помощи, былъ я вами довольно силенъ, то, кажется, на чтобъ я не пустился къ службѣ моему отечеству и моей всемилостивѣйшей Императрицѣ!»

Конечно, князь Голицынъ, хорошо расположенный къ Державину, послалъ къ графу Панину эту бумагу съ самымъ добрымъ намѣреніемъ. Самъ онъ вмѣстѣ съ тѣмъ писалъ главнокомандующему: «Я по такому противному его (коменданта) поступку осмѣлился предложить генералу Мансурову (какъ старшему изъ начальниковъ надъ отрядами, преслѣдующими Пугачева), дабы

онъ достигнулъ до Саратова, если въ самомъ дѣлѣ усмотритъ въ помянутомъ комендантѣ къ должности его неспособность, въ такомъ бы случаѣ перемѣнилъ его достойнымъ начальникомъ. Я уповаю, что измѣнникъ не осмѣлится учинить покушеніе на сей городъ (Саратовъ), какъ снабденный довольнымъ числомъ гарнизона» и проч. Изъ этихъ строкъ видно, какъ Голицынъ вѣрилъ Державину; но онъ не могъ оказать ему худшей услуги, какъ препроводивъ къ Панину письмо, въ которомъ этотъ офицеръ искалъ поддержки и помощи Павла Потемкина, да притомъ жаловался на Бошняка: Бошнякъ пользовался покровительствомъ Кречетникова, а Кречетниковъ, какъ мы скоро увидимъ, былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Панинымъ.

Первое извѣстіе о взятіи Пугачевымъ Саратова, главнокомандующій прочелъ еще въ Москвѣ, въ рапортѣ Михельсона, шедшаго по слѣдамъ злодѣя; потомъ, уже по выѣздѣ изъ Москвы, онъ получилъ болѣе обстоятельное донесеніе объ этомъ событіи отъ царицынскаго коменданта Цыплетева, слышавшаго о томъ отъ самого Бошняка, который, съ небольшимъ отрядомъ отбившись отъ Пугачева, сѣлъ на Волгѣ въ лодку и 11-го августа прибылъ благополучно въ Царицынъ. Представляя Екатеринѣ рапортъ Цыплетева, графъ Панинъ обратилъ особенное ся вниманіе на то прискорбное обстоятельство, что при Саратовѣ въ первый разъ передались Пугачеву не одни казаки, но и регулярныя императорскія войска и бывшая тамъ полевая артиллерійская команда съ нѣкоторыми «ихъ проклятыми» офицерами.

Но еще болѣе подробныя свѣдѣнія о паденіи Саратова привезъ Панину капитанъ саратовскаго баталіона Сапожниковъ. Этотъ офицеръ, прибывшій въ Царицынъ вмѣстѣ съ Бошнякомъ, ѣхалъ теперь въ Петербургъ съ депешею астраханскаго губернатора въ сенатъ. Его остановили было въ Коломнѣ для выдержанія карантина, но потомъ отправили вслѣдъ за графомъ Панинымъ, къ которому онъ и явился въ Уховлѣ, въ одинъ день съ Суворовымъ. По требованію Панина, онъ составилъ для него записку объ обстоятельствахъ нашествія Пугачева на Саратовъ. Очень естественно, что этотъ офицеръ смотрѣлъ на событія глазами Бошняка. Пристрастный взглядъ его всего яснѣе обнаруживается въ самомъ началѣ записки, гдѣ экспедиція Державина подъ Петровскъ приписана самому коменданту, о Державинѣ же ни слова не упомянуто. Панинъ препроводилъ эту записку въ подлинникѣ къ Императрицѣ. Въ отвѣтѣ ея были слѣдующія любопытныя строки: «Если заподлинно комендантъ Саратовскій поступалъ такъ, какъ въ сказкѣ капитана Сапожникова показано, то онъ достоинъ чтобъ вѣрность его не осталась безъ награжденія, что поручаю вамъ наиприлежнѣйше разсмотрѣть и въ ясность привести, а потомъ представить ко мнѣ. Доходили до меня гвардіи поручика Державина о семъ комендантѣ письма, кои не въ его пользу были; а какъ сей Державинъ самъ изъ города отлучился будто за сысканіемъ секурса, а вы объ немъ нигдѣ не упоминаете, то уже его показаніе нѣсколько подвержено сомнѣнію, которое прошу, когда случай будетъ, пообъяснить навѣданіемъ объ обраще-

ніяхъ сего гвардіи поручика Державина и соотвѣтствовала ли его храбрость и искуство его словамъ, а присланъ онъ былъ туда отъ покойнаго генерала Бибикова.»

Изъ этихъ строкъ оказывается, что Императрица узнала Державина уже почти за 10 лѣтъ до начала его возвышенія. Съ другой стороны любопытно, что жалобы Державина на Бошняка доходили до Екатерины. Вѣроятно, Павелъ Потемкинъ отправлялъ къ ней иногда, при своихъ донесеніяхъ, рапорты уважаемаго имъ подчиненнаго или сообщалъ ихъ частнымъ образомъ своему могущественному родственнику. Около этого самаго времени онъ писалъ Державину: «Я уже о расторопности и усердіи вашемъ представлялъ Высочайшему двору». Въ донесеніи Императрицѣ отъ 11 августа, Потемкинъ говоритъ о саратовскихъ событіяхъ, какъ о чемъ-то ей уже извѣстномъ, и выражается такъ: «Я весьма опасаюсь, чтобы по несогласію тамошнихъ командировъ не удалось ему (т. е. Пугачеву) сорвать сей городъ до прибытія детапаментовъ», и проч.

Понятно, какъ должно было подѣйствовать на такого царедворца, какъ графъ Панинъ, сомнѣніе въ его подчиненномъ, выраженное самою Государыней, и насколько этимъ должно было усилиться уже пробужденное въ душѣ его нерасположеніе къ Державину. А между тѣмъ чувство это получило еще новую пищу извнѣ. Надобно знать, что Державинъ, передъ разногласіемъ съ Бошнякомъ, давно уже былъ не въ ладахъ съ начальникомъ его, астраханскимъ губернаторомъ. Когда, въ началѣ своей команди-

ровки, онъ пріѣзжалъ въ Саратовъ съ рекомендательнымъ письмомъ отъ Бибикова, то остался очень недоволенъ пріемомъ Кречетникова; потомъ, уѣхавъ, просилъ у него казаковъ, но не получилъ, жаловался Бибикову и велъ съ губернаторомъ переписку, въ которой съ обѣихъ сторонъ были высказаны разныя колкости. 28-го августа Кречетниковъ изъ Астрахани писалъ Панину: «Саратовъ злодѣями взятъ и раззоренъ не иначе какъ по предательству купцовъ и на остатокъ *(т. е. на послѣдокъ)* гарнизоннаго маіора Салманова и артиллерійской команды, кои всѣ добровольно изъ фрунта къ нему ушли; сей богомерзкой измѣнѣ способствовало несогласіе опекунской конторы главнаго судьи, статскаго совѣтника Лодыжинскаго съ комендантомъ, полковникомъ Бошнякомъ, коему заблаговременно отъ меня наставленіе дано было, чтобъ онъ взялъ всѣ воинскія команды въ свое распоряженіе *), но Лодыжинскій, и съ нимъ *вѣтряный человѣкъ гвардіи поручикъ Державинъ*, того не сдѣлали и сбирались его арестовать, а потомъ сбирали на совѣтъ купцовъ и гарнизонныхъ штабъ-офицеровъ *противъ коменданта* и тѣмъ его ослабили и укрѣпленія никакого не сдѣлали **), а какъ самое зло настало и злодѣй при-

*) Здѣсь Кречетниковъ забываетъ то, что онъ нѣсколько разъ повторялъ въ ордерахъ своихъ Бошняку, именно чтобъ онъ «совѣтовалъ» съ Лодыжинскимъ и дѣйствовалъ съ нимъ «единодушно».

**) Но они-то и требовали особаго укрѣпленія; комендантъ же сперва не хотѣлъ никакого, а потомъ сталъ укрѣплять старинный валъ, окружавшій весь городъ, что было неисполнимо и дѣйствительно осталось безъ исполненія.

шелъ, то въ тотъ самый день коменданту команду отдали, а сами — Лодыжинскій въ Царицынъ, а Державинъ на Яикъ поѣхали *). И такъ люди, возмутясь, въ столь непростительное зло впали и таковые плоды отъ разныхъ командъ неподчиненныхъ одинъ другому послѣдовали».

Подлинное письмо написано собственной рукой Кречетникова весьма поспѣшно, неразборчиво и притомъ въ самомъ неофиціальномъ тонѣ, который, не смотря на примѣсь лести, явно указываетъ на очень короткія отношенія между обоими генералами. Отдавъ отчетъ въ своихъ распоряженіяхъ, Кречетниковъ прибавляетъ: «И такъ донося вашему сіятельству все сдѣланное мною, буду ожидать милостивой вашей апробаціи, кою я во вѣкъ мой почиталъ и почитать не престану».

Это письмо, конечно, еще усилило дѣйствіе приказанія Императрицы объ изслѣдованіи поведенія Державина. Но прежде нежели мы ознакомимся съ результатами этого изслѣдованія, которое вскорѣ обратилось въ преслѣдованіе, мы должны бросить взглядъ на предшествовавшія обстоятельства.

Графъ Панинъ успѣлъ доѣхать только до Шацка, когдо пришло извѣстіе о бѣгствѣ Пугачева отъ Царицына; вскорѣ получена вѣсть и о совершенномъ пораженіи его 25-го августа при Черномъ Ярѣ. Теперь оставалось только овладѣть обезсиленнымъ Пугачевымъ. Къ этой цѣли одновременно стремились всѣ начальники отрядовъ за Волгою, гдѣ главное распоряженіе

*) Послѣднее было невѣрно. Державинъ поѣхалъ въ противуположную сторону—въ Сызрань.

военными дѣйствіями ввѣрено было князю Голицыну. Изъ подчиненныхъ ему лицъ мы видимъ въ этомъ дѣлѣ съ одной стороны Суворова, съ другой Державина.

Голицынъ, уведомляя Державина о переправѣ Пугачева на луговую сторону, просилъ его употребить всевозможныя средства, чтобы во-первыхъ удостовѣриться, куда именно злодѣй направитъ свое бѣгство, а во-вторыхъ, чтобы съ помощію обывателей поймать или умертвить его, на что и уполномочивалъ Державина выдать сколько нужно будетъ денегъ, которыя онъ, Голицынъ, приметъ на свой собственный счетъ. По этому онъ предписывалъ Державину послать на *Узени* *) вѣрныхъ *подлазчиковъ* (лазутчиковъ), а между тѣмъ и самъ сбирался переправиться за Волгу и дѣйствовать вдоль Иргиза, въ случаѣ же надобности — подкрѣпить Державина. Здѣсь мимоходомъ замѣтимъ, что послѣдній незадолго передъ тѣмъ совершилъ, съ отрядомъ крестьянъ, счастливую экспедицію въ степь, гдѣ онъ отбилъ около тысячи плѣнныхъ, много скота и имущества у Киргизовъ, разграбившихъ нѣмецкія колоніи. Это удачное дѣло, за которое Голицынъ въ той же бумагѣ благодарилъ Державина, еще увеличило уваженіе его къ этому офицеру: князь звалъ его къ себѣ и обѣщалъ написать Потемкину, «что пребываніе ваше», какъ онъ выражался, «въ здѣшнихъ мѣстахъ весьма нужно и чтобы вы для того не были отсюда отлучены».

Между тѣмъ и Суворовъ, пробывъ только

*) Двѣ степныя рѣки Оренбургскаго края, которыя текутъ почти паралельно между собой.

одинъ день въ Царицынѣ, отправился по луговой сторонѣ преслѣдовать Пугачева, за которымъ передъ собою велѣлъ идти также графу Меллину. 9-го сентября Суворовъ былъ на рѣкѣ Еруслапѣ, и въ рапортѣ, посланномъ оттуда къ Панину, два раза упомянулъ о Державинѣ, имя котораго конечно тутъ въ первый разъ сдѣлалось ему извѣстно. «Г. поручикъ лейбъ-гвардіи Державинъ», писалъ Суворовъ главнокомандующему, «при рѣкѣ Карамапѣ Киргизцевъ разбилъ... Самъ же г. Державинъ», говорилъ онъ далѣе, «уставясь отрядилъ 120 человѣкъ преслѣдовать видимыхъ людей на Карамапѣ до Иргиза».

Пройдя въ слѣдующіе сутки 80 верстъ, Суворовъ 10-го числа былъ на рѣчкѣ Таргунѣ, и оттуда отнесся уже къ самому Державину съ слѣдующимъ ордеромъ, доказывающимъ, какую добрую славу пріобрѣлъ тогда этотъ офицеръ.

«О усердіи къ службѣ Ея Императорскаго Величества вашего благородія я уже много извѣстенъ; тожъ и о послѣднемъ отъ васъ разбитіи Киргизцевъ, какъ и о посланіи партіи для преслѣдованія разбойника Емельки Пугачева отъ Карамана; по возможности и способности ожидаю отъ вашего благородія о пребываніи, подвигахъ и успѣхахъ вашихъ частыхъ увѣдомленіи. Я нынѣ при деташаментѣ графа Меллина слѣдую къ Узенямъ на рѣчкѣ Таргунѣ, до вершинъ его верстъ съ 60-ть, оттуда до 1 Узеня верстъ съ 40. Деташаментъ полковника Михельсона за мною суткахъ въ двухъ. Иду за рѣченнымъ Емелькою, поспѣшно прорѣзывая степь. Иргизъ важенъ, но какъ тутъ слѣдуетъ отъ Сосновки его сіятельство князь Голицынъ, то

*

отъ Узеней не учиню ли или прикажу учинить подвигъ къ Яицкому городку.

Александръ Суворовъ.»

10 сентября 1774 г.

Таково было первое начало дружескихъ отношеній между великимъ полководцемъ и славнымъ лирикомъ Екатерины, — отношеній продолжавшихся до самой кончины перваго.

Ни тому, ни другому однакожъ не было удачи въ стараніи овладѣть Пугачевымъ. 11-го числа Суворовъ былъ на Маломъ Узенѣ, и здѣсь, раздѣливъ бывшій съ нимъ отрядъ на четыре части, «жегъ камышъ, укрывающій разбойника» (слова изъ рапорта Суворова графу Панину), «но будебы и тамъ онъ не отыскался, такъ по слѣдамъ его настигать постараюсь, превозмогая во всемъ усталость, даже до самаго города Яика.... Надежда блистаетъ!» такъ заключалъ Суворовъ: «Сейчасъ со всѣмъ детапаментомъ Меллина иду къ другому или Большому Узеню. Михельсону тоже подтвердилъ слѣдовать за мною весьма поспѣшно!»

Но надежда обманула Суворова. Правда, Пугачовъ дѣйствительно попалъ въ руки правительства, но безъ всякаго участія преслѣдовавшихъ его.

Прежде нежели перейдемъ къ Державину, разскажемъ поимку Пугачева по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя были въ рукахъ нашихъ *).

По повелѣнію князя Голицына, храбрый яицкій комендантъ Симоновъ 10-го сентября от-

---

*) У Пушкина это событіе, какъ и вообще вся вторая половина исторіи бунта, изложена очень кратко и болѣе по преданіямъ, чѣмъ по положительнымъ источникамъ.

правилъ на нижнеяицкіе форпосты сотника Харчева съ 50 казаками, чтобы помѣшать разбитому Пугачеву пробраться за рѣку Яикъ на бухарскую сторону; въ случаѣ же приближенія его шайки, напасть на нее, а особливо стараться поймать его самого. Пугачевъ, послѣ пораженія при Черномъ Ярѣ (при *купецкой ватагѣ*, по словамъ Харчева), перебравшись чрезъ Волгу, имѣлъ при себѣ не болѣе 150 яицкихъ казаковъ. На совѣтѣ съ ними онъ ихъ уговаривалъ идти въ Сибирь и тамъ возмутить народъ; но товарищи его, не согласясь на это, заставили его бѣжать съ ними на Узени, любимый притонъ преступниковъ тамошняго края. Тамъ шайка Пугачева нашла выпущенныхъ изъ яицкаго городка колодниковъ. Капитанъ Мавринъ, посланный въ этотъ городъ по дѣламъ секретной коммисіи, освободилъ тамъ большое число арестантовъ и изъ нихъ же подговорилъ многихъ «во всѣ стороны метаться» и распространять слухъ, что виновные, которые съ раскаяніемъ явятся къ нему, Маврину, будутъ прощены, «а кто Емельку свяжетъ, тотъ еще и награжденіемъ воспользуется.» Тогда бывшіе при Пугачевѣ яицкіе казаки, уже и безъ того переставшіе вѣрить ему, отправили въ яицкій городокъ шпіоновъ, и удостовѣрясь въ истинѣ слуховъ, рѣшились выдать самозванца.

Командированный изъ Яицка Харчевъ, провѣдавъ обо всемъ въ пути, пошелъ на бударинскій форпостъ, куда направилась шайка Пугачева. Еще не доходя до этого мѣста, онъ встрѣтилъ двухъ отряженныхъ изъ этой шайки казаковъ: яицкаго Чумакова, и илецкаго Творого-

ва, который въ послѣднее время скрѣплялъ всѣ указы мнимаго императора. Они объявили, что ѣдутъ въ яицкій городъ съ раскаяніемъ и предложеніемъ выдать Пугачева, если получатъ завѣреніе, что онъ будетъ принятъ съ честью. Харчевъ, замѣтивъ въ рѣчахъ ихъ двусмысленность, отобралъ у нихъ оружіе и деньги, и отправилъ обоихъ, съ однимъ изъ своихъ казаковъ, въ городъ. Продолжая путь, онъ, 14-го числа по утру, передъ бударинскимъ форпостомъ съѣхался съ ихъ товарищами и требовалъ выдачи злодѣя, который наружно былъ еще въ прежнемъ у нихъ почтеніи и оставался не связаннымъ; но казаки отвѣчали, что сами его доставятъ въ руки правительства. Харчевъ, не рѣшаясь тронуть его, по многочисленности бывшей съ нимъ шайки, провожалъ ихъ до Коловертной лощины; здѣсь же, съ помощью воровскаго полковника Фидулева, снялъ съ Пугачева одежду и обличивъ его передъ казаками въ самозванствѣ, привелъ ихъ въ раскаяніе; потомъ, достигнувъ Кошъ-яицкаго форпоста, взялъ его отъ нихъ подъ свой караулъ, заклепалъ въ колодку и привезъ въ яицкій городокъ, въ самую полночь на 15-е сентября. Чрезъ нарочнаго Харчевъ предварилъ Симанова объ успѣхѣ дѣла, и комендантъ выслалъ на встрѣчу ему, для помощи, сержанта Бардовскаго.

По прибытіи въ городъ, шайка, состоявшая еще изъ 114 человѣкъ, была посажена подъ караулъ, въ ретраншаментъ. Самъ же Пугачевъ (по выраженію Маврина въ рапортѣ князю Голицыну) былъ «можно сказать принесенъ на головахъ» къ этому офицеру. При первомъ до-

просѣ онъ объявилъ прямо свое настоящее происхожденіе, не обнаружилъ однакожъ ни раскаянія, ни робости, но при дальнѣйшемъ ходѣ слѣдствія сознавался, что согрѣшилъ передъ Богомъ и государыней, и т. п.

Вслѣдъ за нимъ, на другой день, Суворовъ прибылъ также въ яицкій городъ, и писалъ, между прочимъ, Панину. «Не уповаю, чтобы вашему высокографскому сіятельству противно быть могло, когда я выпровоженіемъ отсюда разбойника Пугачева поспѣшу.»

Посмотримъ теперь, что между тѣмъ дѣлали князь Голицынъ и Державинъ. Голицынъ 9-го сентября переправился на луговую сторону Волги и, отрядивъ партіи въ разныя стороны, самъ пошелъ вверхъ по Иргизу.

Здѣсь въ Красномъ Ярѣ его дожидался Державинъ. Давъ ему свои приказанія, князь самъ пошелъ къ яицкому городку, чтобы подкрѣпить это открытое мѣсто на случай нападенія, а Державинъ остался на Иргизѣ въ слободѣ Мечетной, нетерпѣливо ожидая возвращенія партіи крестьянъ, посланной имъ въ степь по слѣдамъ Пугачева. Послѣ побѣды Михельсона при Черномъ Ярѣ, Державину казалось, что наступила настоящая минута исполнить дѣло, возложенное на него еще Бибиковымъ, т. е. поймать злодѣя. Для этого онъ, выбравъ сто самыхъ надежныхъ крестьянъ изъ села Малыковки, послалъ ихъ въ степь, какъ будто для преслѣдованія Киргизовъ, а въ самомъ дѣлѣ съ тѣмъ, чтобы они старались пристать къ шайкѣ Пугачева и потомъ схватить его. Не смотря на награду, заранѣе уже розданную этимъ крестьянамъ (по 5 р. на

человѣка), не смотря на торжественно взятую съ нихъ клятву употребить всѣ усилія, чтобы привести Пугачева живаго или мертваго, экспедиція эта не имѣла желаннаго успѣха. Отрядъ Державина опоздалъ двумя днями на тотъ ночлегъ Пугачева при Узняхъ, гдѣ онъ былъ взятъ подъ стражу своими сообщниками: разведенный ими огонь еще не совсѣмъ погасъ, когда крестьне Державина достигли этого мѣста. Они возвратились къ нему 14-го сентября, на другой день послѣ ухода князя Голицына. Важно было, однакожъ, то, что они принесли извѣстіе о выдачѣ злодѣя, и притомъ вернулись не съ пустыми руками: они привели пугачевскаго полковника Мельникова, который бѣжалъ отъ самозванца, когда тому измѣнили его сообщники.

Державинъ немедленно отправилъ Мельникова подъ крѣпкимъ карауломъ къ Голицыну. Князь стоялъ на рѣкѣ Камелкѣ, въ 130 верстахъ отъ яицкой крѣпости, когда 15-го сентября ему представили бродягу. Онъ поспѣшилъ отправить къ графу Панину въ Пензу подполковника Пушкина съ радостнымъ извѣстіемъ объ арестованіи Пугачева. Въ рапортѣ князя Голицына, написанномъ по этому случаю, насъ поражаетъ показаніе, что Мельникова схватили на Узеняхъ *двое вѣрныхъ яицкихъ казаковъ*, отправленные туда имъ, *Голицинымъ*, съ тѣмъ, чтобы тайно склонить извѣстнаго казака Перфильева къ поимкѣ или умерщвленію Пугачева. Изъ этого слѣдовало бы, что Державинъ, какъ въ *журналѣ*, веденномъ имъ во время пугачевщины, такъ и въ позднѣйшихъ своихъ *запис-*

кахъ несправедливо приписалъ *своему* отряду поимку Мельникова. Для устраненія противорѣчія между обоими показаніями надобно припомнить, что Голицынъ, по военной командѣ, былъ начальникомъ Державина: поэтому онъ считалъ себя въ правѣ смотрѣть на распоряженіе Державина, какъ на свое собственное. Можетъ быть, къ сотнѣ крестьянъ, отряженныхъ послѣднимъ, дѣйствительно присоединились два казака, посланные первымъ, и онъ, донося графу Панину о результатѣ экспедиціи, не нашелъ нужнымъ упоминать еще и о крестьянахъ Державина *). Кому неизвѣстно, что и теперь начальники иногда присвоиваютъ однимъ себѣ честь того, что сдѣлано ихъ подчиненными. Почти въ такомъ же смыслѣ князь Голицынъ 17-го сентября писалъ Державину: «злодѣй привезенъ въ яицкій городъ отряженною *отъ меня* изъ сего города партіею». Впрочемъ партія Харчева, доставившая Пугачева къ Маврину, была отправлена Симановымъ, по крайней мѣрѣ вслѣдствіе ордера Голицына; экспедиція же, кончившаяся поимкою Мельникова, предпринята была по мысли и по предложенію Державина, и лучше было бы, если бы Голицынъ въ рапортѣ Панину не умолчалъ объ офицерѣ, которому обязанъ былъ и этимъ, хотя незначительнымъ успѣхомъ, и удо-

---

*) Изъ современныхъ документовъ видно, что Голицынъ прежде, дѣйствительно, посылалъ на Узени развѣдчиковъ, но, какъ самъ онъ писалъ Державину, эта партія, возвратясь 12-го числа, «не нашла никакихъ знаковъ, что и удостовѣряетъ меня о какомъ либо другомъ намѣреніи злодѣя». Послѣ же того, еслибъ Голицынъ и отправилъ на Узени новую партію, она никакъ не успѣла бы вернуться одновременно съ державинскою.

вольствіемъ закончить свой рапортъ начальнику слѣдующими словами: «за счастіе себѣ поставляю то, что какъ я первый имѣлъ удачу сначала усилившемуся извергу рода человѣческаго сломить рога сильнымъ его подъ Татищевою крѣпостью пораженіемъ, такъ и теперь первый же имѣю честь возвѣстить вашему сіятельству о конечной его гибели.»

Секундъ-маіоръ Пушкинъ, посланный къ главнокомандующему съ этой бумагой, служилъ во 2 гренадерскомъ полку. Не только князь Голицынъ, при этомъ случаѣ, отзывался о немъ съ особенною похвалою, но и прежде еще Бибиковъ свидѣтельствовалъ предъ Императрицей объ отличной храбрости и расторопности его. Въ дѣлѣ при Сорочинской крѣпости онъ занялъ мѣсто поднятаго на копья неустрашимаго маіора Елагина и прогналъ мятежниковъ. По приказанію Голицына, Пушкинъ заѣхалъ къ Державину въ Мечетную и просилъ сказать откровенно, не далъ ли онъ знать о поимкѣ Пугачева прямо отъ себя главнокомандующему или кому другому изъ генераловъ. Державинъ отвѣчалъ, что онъ послалъ увѣдомленіе только своимъ непосредственнымъ начальникамъ, князю Голицыну и Потемкину. Пушкинъ былъ доволенъ этимъ, полагая, что такимъ образомъ Потемкинъ, живя въ отдаленной Казани, не успѣетъ дослать курьера до Петербурга ранѣе Панина, находившагося въ Пензѣ, куда онъ, Пушкинъ, и поскакалъ не теряя времени. Въ послѣдствіи, когда надъ Державинымъ разразился гнѣвъ графа Панина, онъ объяснялъ себѣ свою невзгоду тѣмъ, что когда курьеръ, посланный имъ къ

Потемкину, проѣзжалъ черезъ Сызрань, то тамошній воевода, узнавъ съ какимъ извѣстіемъ онъ ѣдетъ, отправилъ нарочнаго къ графу Панину, который будто бы изъ этого и увидѣлъ, что помимо его важная вѣсть послана Державинымъ къ Потемкину; Потемкинъ же успѣлъ предупредить Панина въ сообщеніи ея императрицѣ.

Но Державинъ ошибался.

Графъ Панинъ въ первый разъ узналъ о поимкѣ Пугачева отъ Голицынскаго курьера, какъ видно изъ слѣдующаго донесенія его отъ 18-го сентября:

«Имѣю счастіе поздравить Ваше Императорское Величество со избавленіемъ имперіи отъ язвительнѣйшаго ея врага Пугачева. Какое получилъ я въ сію минуту извѣщеніе о его поимкѣ, кажется со всѣмъ вѣроятной, оное оргинально спѣшу симъ препроводить съ подателемъ, правящимъ при мнѣ должность флигель-адъютанта, князем Лобановымъ, моимъ внукомъ роднымъ, коего, а наипаче еще генералъ-маіора князя Голицына, какъ главнаго виновника первому низложенію силъ сего государственнаго врага, такъ и первому же извѣщателю о вверженіи его въ заслуженныя имъ оковы и оказавшаго толикую неутомленность, рвеніе и усердіе службою въ ономъ Вашему Императорскому Величеству, дерзаю повергнуть въ Монаршую милость и благоволеніе, самъ же постараюсь обстоятельнѣйшую вѣдомость принести къ Вашему Императорскому Величеству въ самое полученіе ея, пребывая на всю жизнь», и проч.

По странной случайности курьеръ Державина

прибылъ въ Казань, въ тотъ же самый день, какъ Пушкинъ въ Пензу, и Павелъ Потемкинъ, не теряя ни минуты, слѣдовательно одновременно съ Панинымъ, написалъ Императрицѣ:

«Сейчасъ получилъ я отъ поручика гвардіи Державина, находящагося для защищенія колоній отъ набѣговъ киргизъ-кайсаковъ, наиприятнѣйшее извѣстіе, что изверга и злодѣя Пугачева, на Узеняхъ, т. е. на рѣчкѣ идущей къ Яицку, поймали и, связавъ, подъ стражею повезли въ Яицкой городокъ.

«Я поспѣшаю донести Вашему Императорскому Величеству сію пріятнѣйшую вѣдомость чрезъ ротмистра Бушуева, который сначала при покойномъ генералъ-аншефѣ Александрѣ Ильичѣ Бибиковѣ находился, и котораго повергая къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, какъ и себя въ Монаршую милость, съ неизрѣченнымъ благоговѣніемъ во всю жизнь пребывать главнымъ предметомъ поставляю» и прoч.

Естественно, что пензенское донесеніе должно было дойти до Петербурга ранѣе Казанскаго, хотя и отправленнаго въ тотъ же день. Такъ и случилось: доказательствомъ тому служатъ слѣдующія строки изъ письма Екатерины московскому градоначальнику, князю М. Н. Волконскому, отъ 27-го сентября: «съ послѣднимъ курьеромъ я получила извѣстіе изъ Пензы отъ графа Панина, что яицкіе казаки связали Пугачева и везутъ его въ Яицкій городокъ». И самому графу Панину Императрица писала: «Теперь отвѣтствовать осталось мнѣ на ваше доброизвѣстительное письмо о поимкѣ врага Пугачева, которая *первая вѣсть* отовсюду подтверждается».

Такимъ образомъ Державинъ справедливо приписывалъ себѣ честь сообщенія правительству перваго извѣстія о поимкѣ Пугачева. Между тѣмъ эта вѣсть расшевелила честолюбіе генераловъ. Потемкинъ, благодаря Державина въ самый день полученія ея, приписалъ на поляхъ своего письма: «Желалъ бы я охотно, чтобы злодѣй былъ доставленъ въ коммисію, а не въ военную команду, поелику оной посредство къ тому способѣшествовало». Это значило, другими словами: «Устройте, чтобъ Пугачевъ былъ доставленъ ко мнѣ, а не къ главнокомандующему».

Но Державинъ не могъ этого устроить и Потемкинъ сталъ также коситься на него. Буря подымалась однако съ другой стороны. Вражда къ нему Кречетникова и Бошняка не могла остаться безъ послѣдствій. Мы видѣли уже, какъ астраханскій губернаторъ, въ письмѣ къ Панину, жаловался на Державина, называя его *вѣтрянымъ человѣкомъ*. Теперь, по приказанію Панина, вслѣдствіе повелѣнія императрицы, началось изслѣдованіе. Кречетниковъ, узнавъ объ окончательномъ пораженіи Пугачева, потребовалъ Бошняка въ Астрахань. Комендантъ, уже много разъ писавшій ему о саратовскихъ происшествіяхъ, лично представилъ подробное объясненіе, въ которомъ конечно не были пощажены Лодыжинскій и Державинъ. Въ свою очередь Лодыжинскій ѣздилъ также въ Астрахань и подалъ губернатору оправдательный рапортъ. Эти и другія бумаги, доставившія намъ возможность прослѣдить во всей подробности саратовскую ссору, даютъ весьма наглядное понятіе о нравахъ тогдашняго общества. Трудно сказать, кто изъ

трехъ лицъ показалъ болѣе грубости и заносчивости во взаимныхъ сношеніяхъ. Чье мнѣніе о способѣ обороны Саратова въ сущности было справедливѣе, предоставляемъ рѣшить военной исторіи; мы, съ своей стороны, позволимъ себѣ только замѣтить, что приведенныя въ дѣйствіе настоянія Бошняка не оправдались результатомъ: Саратовъ палъ, жители его вмѣстѣ съ войскомъ передались Пугачеву или подверглись всякимъ жестокостямъ, наконецъ самъ Бошнякъ съ горстью своихъ сослуживцевъ едва спасся отъ преслѣдованія злодѣевъ.

Кречетниковъ, получивъ объясненія Бошняка и Лодыжинскаго, препроводилъ обѣ бумаги въ сенатъ, и въ своемъ донесеніи повторилъ, почти слово въ слово, жалобы Бошняка на его противниковъ: «Лодыжинскій и Державинъ», писалъ, между прочимъ, губернаторъ, «не только съ нимъ (комендантомъ) въ наилучшей оборонѣ не согласовали и производили споръ, но и другихъ штабъ-офицеровъ и купцовъ отъ послушанія его отвратили, а Державинъ въ собраніи всячески его ругалъ и поносилъ безчестными словами, намѣреваясь яко осужденнаго арестовать, и 6-го августа, когда злодѣй съ своей толпою приближался, Лодыжинскій и Державинъ невѣдомо куда скрылись и его, коменданта, оставили съ малою командою». Тогда же и въ томъ же духѣ Кречетниковъ донесъ обо всемъ этомъ князю Орлову, какъ начальнику Лодыжинскаго, и графу Петру Панину, какъ главнокомандующему, который поручилъ ему изслѣдовать дѣло.

Графъ Панинъ, немедленно предписалъ князю Голицыну, а для большей вѣрности еще и гене-

ралу Мансурову, истребовать у Державина объясненіе, почему онъ оставилъ Саратовъ передъ самымъ приходомъ туда Пугачева? Правда, въ ордерѣ Голицына Державину пилюля была позолочена благодарностью за пораженіе Киргизовъ, но это не уменьшало ея горечи. Вотъ эта бумага:

«Его сіятельство главнокомандующій за доказанную вами въ пораженіи киргизъ-кайсаковъ услугу, предписываетъ свою благодарность и вниманіе по уваженію оной, и что онъ о семъ дѣлѣ, по точности моего ему донесенія, какъ объ васъ, такъ и одобренныхъ вами въ отличности чинахъ, не оставитъ донести Ея Императорскому Величеству.

«Вслѣдствіе его жъ сіятельства повелѣнія извольте прислать ко мнѣ къ доставленію ему рапортъ, въ которомъ объясните обстоятельство, какимъ образомъ не случились вы быть при защищеніи своего поста въ городѣ Саратовѣ и какая должность, кѣмъ и отъ кого поручена и съ какою командою вамъ была, а потомъ для чего, куда и за сколько времени предъ злодѣйскимъ нападеніемъ на помянутый городъ, съ какимъ числомъ команды отлучиться были принуждены; и сіе я точными объяснилъ словами, какъ его сіятельство мнѣ предписать изволилъ».

Этотъ запросъ, заключавшій въ себѣ обидное подозрѣніе, сильно взволновалъ и огорчилъ честолюбиваго офицера, который еще недавно доказалъ свою отвагу добровольными экспедиціями подъ Петровскъ и противъ Киргизовъ и который при томъ до сихъ поръ привыкъ пользоваться полнымъ довѣріемъ и уваженіемъ

*

своихъ начальниковъ. Смѣлый и самонадѣянный Державинъ рѣшился, вопреки положительному приказанію, отвѣчать главнокомандующему не чрезъ Голицына, а прямо отъ себя. 5-го октября онъ отправилъ въ Пензу обширный рапортъ или вѣрнѣе отчетъ, въ которомъ на 4-хъ листахъ особенно большаго формата и убористаго письма изложилъ всѣ свои дѣйствія. Чтобы не утомлять вниманія читателя, мы позволимъ себѣ привести только нѣсколько строкъ изъ заключенія его: «Сіе есть, ваше сіятельство, сколько нибудь ясное описаніе коммисіи моей до паденія Саратова и исторія объ отлучкѣ отъ онаго; но чтобъ не изволили помыслить, что я многорѣчіемъ хотѣлъ затмить силу справедливости и не по важности мнѣ вышеизображенныхъ вопросовъ отвѣчалъ, то короче донесу: коммисія моя, по приложенному здѣсь наставленію, какая и отъ кого дана была, видима: команды я не имѣлъ. Постъ мой былъ подвиженъ, гдѣ я заблагоразсужу. Въ Саратовѣ былъ я для объявленія награжденія за поимку злодѣя и проповѣди о неприлѣпленіи къ нему, для чего и собраны были отъ меня подписки подъ смертною казнію. Отлучился я отъ него, что услышалъ наклоненія къ бунту въ другомъ мѣстѣ, для меня важнѣйшемъ. Удалился я въ Сызрань, что мнѣ уже не можно стало въ мѣстѣ безъ команды, гдѣ случился я, никакъ обойтися. За 15 часовъ я изъ Саратова выѣхалъ, не имѣвъ при тысячѣ человѣкъ близко войска никакой опасности» (т. е. опасенія), «кромѣ ихъ безпорядка. Зрите, ваше сіятельство, мой справедливый долгъ, а прочее, что я дѣлалъ, то изъ особливаго моего усердія

къ службѣ нашей Всемилостивѣйшей Императрицѣ и что должно быть безчуственному, ежели смотрѣть равнодушно на гибель своего отечества и не прилагать крайнихъ силъ вымыслить ему помощь. Подлинныхъ документовъ для того я здѣсь не приложилъ, что ежели ваше сіятельство къ чести моей прикажете нарядить судъ, то я и тогда оные представлю». Однакожъ, удерживая у себя подлинники, Державинъ приложилъ копіи съ 13 офиціальныхъ писемъ, полученныхъ имъ отъ разныхъ лицъ по его командировкѣ.

Такое многословное оправданіе, подкрѣпленное еще цѣлою кипою бумагъ и присланное прямо къ главнокомандующему мимо посредствующихъ степеней начальства, должно было показаться дерзостью гордому и взыскательному генералу. При всемъ томъ графъ Панинъ, желая дать полезный урокъ молодому офицеру, удостоилъ отвѣчать ему прямо отъ себя и притомъ тономъ не столько жесткимъ, сколько насмѣшливымъ. Начавъ увѣдомленіемъ, что онъ получилъ рапортъ Державина со всѣми приложеніями, Панинъ продолжаетъ: «По весьма великой его подлинно обширности, конечно имѣли вы настоящую причину подумать, что при моемъ нынѣшнемъ многозаботномъ Ея Императорскому Величеству служеніи, можетъ онъ мнѣ представиться къ прочтенію великимъ обремененіемъ, но въ томъ и оправдано ваше обо мнѣ болѣе заключеніе: я при полученіи его хотя уже половину ночи въ дѣлахъ по моей службѣ упражнялся, но другую половину не оставилъ употребить въ самое внятное его прочтеніе». Въ этомъ отвѣтѣ его отразился взглядъ сановника восем-

надцатаго вѣка на высокое значенiе чина и служебнаго старшинства. Оцѣнивъ по донесенiю Державина умъ его и дарованiя, графъ Панинъ не могъ простить неопытному, по его мнѣнiю, офицеру смѣлости, съ какою онъ обсуживалъ распоряженiя старшихъ и вмѣшивался въ нихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Панинъ, иронически отдавая справедливость краснорѣчiю Державина и забывая, что самъ онъ прежде велѣлъ благодарить его за киргизскую экспедицiю, говоритъ, что доказательствомъ его усердiя «будутъ служить только одни слова». Всего обиднѣе для Державина было то, что въ противоположность ему Панинъ выставлялъ саратовскаго коменданта, «который не покидалъ своего города, защищалъ его не токмо до самой послѣдней крайности, но и при сущей измѣнѣ и передательствѣ къ злодѣю его подчиненныхъ, съ оставшими при немъ самыми вѣрнѣйшими и усерднѣйшими къ Ея Императорскому Величеству изъ оныхъ рабами, прошелъ съ ружьемъ въ рукахъ сквозь всю столь многоужасающую злодѣйскую толпу *), въ такую опять крѣпость, на которой злодѣй по примѣчанiю устремлялся жъ, а не туда, гдѣбъ онъ безопасенъ былъ; почему и представляется мнѣ, что гораздо легче сему коменданту предъ военный судъ явиться, еслибъ обстоятельство того востребовало, нежели вамъ по изъявленiю вами желанiя воен-

*) Такъ самъ Бошнякъ описывалъ свое отступленiе въ рапортахъ своихъ, но въ сущности дѣло происходило нѣсколько иначе: изъ всѣхъ документовъ видно, что онъ только ретировался верстъ шесть подъ выстрѣлами пугачевцевъ, почти не попадавшими въ его отрядъ.

наго суда, ибо регулы военныя да и всѣ прочіе законы прешлютъ въ настоящее доказательство и вѣроятность больше существенныя дѣйствія, нежели сокровенность человѣческихъ сердецъ, изъявляемыхъ словами. Сего ради, по истинному къ вамъ усердію, совѣтую отложить желаніе ваше предстать предъ военный судъ.»

Любопытно заключеніе письма: «Впрочемъ будьте увѣрены, что все сіе изъ меня извлекло усердіе къ людямъ, имѣющимъ природныя дарованія, какими васъ творецъ вселенной наградилъ, по истинному желанію обращать ихъ въ прямую пользу служенія владѣющей нашей Великой Государынѣ и отечеству и по той искренности, съ которою я пребыть желаю, какъ и теперь съ почтеніемъ семъ вашего благородія вѣрный слуга графъ Петръ Панинъ».

Теперь, имѣя въ рукахъ своихъ уже столько данныхъ по обстоятельствамъ, которыя Екатерина поручила ему разъяснить, Панинъ счелъ благовременнымъ отвѣчать на ея запросъ, и въ донесеніи 17-го октября писалъ: «По окончательному исполненію повелѣній вашего величества вступили ко мнѣ по моимъ требованіямъ столь великія, особливо отъ Державина изъясненія, что и меня раба вашего удивили дерзновеннымъ дозволеніемъ себѣ толикаго распространенія въ извиненіи, которое требуетъ въ непорочной истинѣ нѣсколькихъ только словъ; но по прочтеніи онаго заставили меня и къ единому вашего величества любопытству поднести оныя здѣсь всѣ въ оригиналѣ. Смѣю при томъ, Всемилостивѣйшая Государыня! о саратовскомъ комендантѣ съ подчиненными ему офицерами,

пробившимися сквозь злодѣя, то присовокупить, что они въ точности исполнили, и заслугу свою показали по настоящей своей Вашему Императорскому Величеству присягѣ, гдѣ каждый обѣщаетъ и долженъ въ потребномъ случаѣ не щадить своего живота и гдѣ отъ всякаго требуется не витійственныхъ словъ и вмѣшиванія въ чужія, себѣ не принадлежащія и выше своего званія должности и дѣла, но существительныхъ всякаго по своему званію дѣйствъ и безмолвственнаго повиновенія одного другому по предписанному въ регулахъ порядку, отъ которыхъ кажется мнѣ по приближеніи злодѣя на Саратовъ далеко было отступлено собираніемъ совѣтовъ съ приглашеніемъ и купечества; усердіе мое о истинномъ соблюденіи установленныхъ отъ Вашего Императорскаго Величества безмолвственныхъ повиновеній, по формѣ правительства самодержавной власти и по чинамъ одного надъ другимъ установленнымъ, не могло меня воздержать, чтобъ Державину не сдѣлать такого предложенія, какое вы изволите здѣсь въ копіи усмотрѣть, а саратовскому коменданту дать повелѣніе, чтобъ онъ тамошнихъ купцовъ Кобякова и Протопопова прислалъ сюда скованныхъ» и проч.

При строгости, съ какою графъ Панинъ смотрѣлъ на Державина, можетъ показаться страннымъ, почему онъ отказалъ ему въ судѣ. Главною причиною того было вѣроятно опасеніе шумной огласки дѣла по спору гвардейскаго офицера съ мѣстнымъ начальствомъ, распоряженія котораго не были оправданы событіемъ. Графъ Панинъ, конечно, понималъ, что еслибъ до нападенія Пугачева на Саратовъ, было тамъ

принято мнѣніе Державина итти на встрѣчу злодѣя, сдѣлавъ передъ городомъ укрѣпленіе, то ходъ происшествій могъ бы измѣниться. А между тѣмъ, къ дѣлу были причастны съ одной стороны самъ астраханскій губернаторъ, а съ другой, управляющій конторою иностранныхъ поселенцовъ, состоявшій подъ покровительствомъ сильнаго начальника, князя Орлова. Нельзя было также упускать изъ виду, что Державинъ своими дѣйствіями во время этой командировки заслужилъ полное одобреніе многихъ уваженія достойныхъ лицъ: Бибикова, князей Щербатова и Голицына, Павла Потемкина и Суворова, чему онъ имѣлъ въ рукахъ самыя убѣдительныя доказательства. По этому гораздо проще и удобнѣе должно было казаться графу Панину рѣшить дѣло безъ суда, по своему личному усмотрѣнію.

Бошнякъ, успѣвшій съ помощью своего покровителя, Кречетникова, распространить въ высшемъ начальствѣ убѣжденіе, что онъ съ оружіемъ въ рукахъ «*пробился сквозь* злодѣйскую толпу», не удовольствовался этимъ: онъ самъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ ѣздилъ въ Симбирскъ къ графу Панину и получилъ тамъ разрѣшеніе снова вступить въ свою комендантскую должность. Еще прежде того саратовскіе измѣнники, которые въ сраженіи при Черномъ Ярѣ попали въ руки правительства, были преданы графомъ Панинымъ «скоро-рѣшительному» военному суду, который приказано произвести случившемуся тогда въ Саратовѣ генералу Мансурову. Состоявшійся объ нихъ приговоръ былъ препровожденъ главнокомандующимъ къ императрицѣ вмѣ-

стѣ съ новымъ засвидѣтельствованіемъ въ пользу Бошняка. Екатерина, отвѣчая 20 ноября разомъ на восемь донесеній Панина, дала въ письмѣ своемъ слѣдующій отзывъ по этому предмету: «касательно до дѣла поручика Державина и саратовскаго коменданта нашла я, что вашъ отвѣтъ, сдѣланный Державину, и правила, изъ которыхъ оной истекаетъ, суть таковы безпорочны, какъ отъ ревности вашей къ службѣ ожидать надлежало, и сей отвѣтъ таковъ хорошъ и полезенъ быть можетъ сему молодому человѣку, что конечно образъ мысли его исправить, буде природное въ немъ здравое разсужденіе есть. Саратовскаго коменданта поведеніе, о которомъ вы обновляете похвалу, не оставлю безъ взысканія» (т. е. вознагражденія). Государыня не замедлила исполнить это обѣщаніе: въ началѣ слѣдующаго года, послѣ казни Пугачева, она пожаловала не только самому Бошняку 370 душъ, но и женѣ его 2000 р., «потому что она» какъ сказано было въ одномъ частномъ письмѣ къ Державину «жаловалось, что все потеряла при нападеніи Пугачева на Саратовъ.»

Что касается до Державина, то графъ Панинъ, напротивъ совершенно забылъ или не захотѣлъ сдержать свое обѣщаніе «довести до свѣдѣнія Императрицы объ услугѣ, оказанной имъ въ пораженіи киргизъ-кайсаковъ». Строгій и оскорбительный отвѣтъ главнокомандующаго долженъ былъ нанести жестокій ударъ самолюбію офицера, избалованнаго своими отношеніями съ другими генералами. Чрезъ нѣсколько дней послѣ того Державинъ получилъ и отъ князя

Голицына, по прежнему благосклоннаго къ нему, частное письмо о неудовольствіи Панина.

«Я съ крайнимъ моимъ сожалѣніемъ», писалъ Голицынъ, «на сіе слѣдствіе взирая и будучи исполненъ истиннымъ моимъ къ вамъ доброжелательствомъ, изыскиваю всѣ удобовозможныя средства къ утоленію графскаго гнѣва... но какъ не вижу еще въ семъ случаѣ мнимаго мною успѣха, то и пишу теперь къ Павлу Сергѣевичу *(Потемкину)*, дабы онъ, находясь надъ вами командиромъ, оказалъ вамъ въ настоящемъ происшествіи прямую свою протекцію». Но Голицынъ, не зная отношеній между обоими генералами, напрасно надѣялся въ этомъ случаѣ на помощь Потемкина. При томъ можно навѣрное сказать, что еслибъ этотъ вельможа узналъ, какъ императрица смотритъ на Державина, то онъ, даже и будучи въ душѣ на сторонѣ его, все-таки ничего бы для него не сдѣлалъ. Межтѣмъ, однакожъ, Павелъ Потемкинъ, еще вовсе неподозрѣвая невзгоды, которой подвергся Державинъ, звалъ его въ Казань, откуда самъ онъ, по своей инструкціи, сбирался ѣхать на Яикъ для изслѣдованія въ источникѣ настоящихъ причинъ бунта.

По этому Державинъ во второй половинѣ октября отправился въ Казань, но этою поѣздкою рѣшился онъ воспользоваться и для того, чтобы побывать у графа Панина въ Симбирскѣ. Онъ откровенно сознается, что язвительный отвѣтъ главнокомандующаго «внушилъ молодому чувствительному къ чести офицеру желаніе ѣхать къ графу и, лично съ нимъ объяснившись, раз-

сѣять и малѣйшее въ немъ невыгодное о себѣ заключеніе.»

До сихъ поръ мы въ своемъ изложеніи основывались на подлинныхъ документахъ, которые намъ удалось собрать для дополненія и повѣрки записокъ Державина. Но въ сообщеніи обстоятельствъ его представленія Панину мы принуждены ограничиться этимъ послѣднимъ источникомъ. Разсказъ о свиданіи съ Панинымъ составляетъ одну изъ самыхъ живыхъ и всего лучше написанныхъ страницъ записокъ Державина. Мы представимъ его здѣсь въ нѣсколько сокращенномъ видѣ.

Подъ самымъ Симбирскомъ онъ встрѣтилъ графа Панина, ѣхавшаго съ большою свитою на охоту; поэтому онъ отправился прежде къ князю Голицыну, который въ то время былъ также въ Симбирскѣ. Голицынъ чрезвычайно удивился смѣлости Державина и совѣтовалъ ему лучше ѣхать, не останавливаясь, въ Казань и тамъ искать покровительства Потемкина. Державинъ при этомъ услышалъ, между прочимъ, что Панинъ уже недѣли двѣ (слѣдовательно съ полученія его рапорта) повторяетъ публично за столомъ, что онъ ждетъ отъ государыни повелѣнія повѣсить Державина вмѣстѣ съ Пугачевымъ.

По возвращеніи Панина съ охоты, Державинъ поспѣшилъ явиться къ нему; послѣ первыхъ словъ графъ спросилъ, видѣлъ ли онъ Пугачева. «Видѣлъ на конѣ подъ Петровскомъ», отвѣчалъ офицеръ (Пугачевъ гнался за нимъ по дорогѣ отъ Петровска къ Саратову). «Прикажи привести Емельку», сказалъ Панинъ Михельсону.

Чрезъ нѣсколько минутъ введенъ былъ самозванецъ въ оковахъ по рукамъ и по ногамъ, въ старомъ засаленномъ тулупѣ. Онъ сталъ на колѣни. Графъ спросилъ: «Здоровъ ли, Емелька»?—Ночи не сплю, все плачу, батюшка, ваше графское сіятельство.—«Надѣйся на милосердіе государыни», и съ этимъ словомъ Панинъ приказалъ увести его. Такъ, по замѣчанію Державина, гордый начальникъ хотѣлъ съ одной стороны похвалиться тѣмъ, что Пугачевъ въ его рукахъ, а съ другой, уколоть Державина, давъ ему почувствовать, что онъ при всѣхъ своихъ усиліяхъ не могъ поймать злодѣя.

Послѣ удаленія Пугачева главнокомандующій и всѣ бывшіе тутъ штабъ и оберъ-офицеры пошли ужинать. Державинъ, хотя и не получилъ приглашенія, однакожъ отправился вслѣдъ за другими и занялъ мѣсто у графскаго стола, помня, что онъ гвардейскій офицеръ и сиживалъ за однимъ столомъ съ императрицей. Замѣтивъ его графъ нахмурился, заморгалъ по своей привычкѣ глазами и вышелъ подъ предлогомъ, что забылъ отправить курьера къ государынѣ.

На другое утро, еще до разсвѣта, Державинъ явившись опять къ главнокомандующему, ждалъ его нѣсколько часовъ. Наконецъ около обѣдни, графъ вышелъ въ пріемную галлерею, гдѣ уже собралось много военныхъ; на немъ былъ широкій атласный шлафрокъ сѣраго цвѣта и большой французскій колпакъ, перевязанный розовыми лентами. Панинъ прошелъ нѣсколько разъ по галлереѣ, ни съ кѣмъ не говоря ни слова, и даже не посмотрѣлъ на дожидавшагося поручика. Тогда Державинъ рѣшился самъ подойти къ

нему и сказалъ: «я имѣлъ несчастіе получить вашего сіятельства неудовольственный ордеръ, беру смѣлость объясниться». Графъ удивился, но велѣлъ Державину идти за собою и повелъ его въ кабинетъ чрезъ цѣлый рядъ комнатъ. Дорогой онъ съ сердцемъ дѣлалъ выговоръ Державину, между прочимъ за то, что онъ въ Саратовѣ не уважительно обращался съ комендантомъ и даже разъ прогналъ его отъ себя.

Сознаваясь во всемъ, Державинъ оправдывался пылкостію своего нрава и прибавилъ: «Кто-бы сталъ васъ обвинять, что вы, бывъ въ отставкѣ на покоѣ, изъ особливой любви къ отечеству и приверженности къ службѣ государыни, приняли на себя въ столь опасное время предводить войсками? Такъ и я, когда все погибало, забывъ себя, внушалъ въ коменданта и во всѣхъ долгъ присяги къ оборонѣ города». Панинъ, надменный, по вмѣстѣ и великодушный, какъ характеризуетъ его Державинъ, былъ тронутъ этимъ и другими откровенными объясненіями его и наконецъ со слезами сказалъ: «садись, мой другъ, я твой покровитель». Вслѣдъ за тѣмъ, по докладу камердинера, вошли съѣхавшіеся въ Симбирскъ военачальники: князь Голицынъ, Огаревъ, Чорба, Михельсонъ. Первый, который принималъ въ Державинѣ особенное участіе, тотчасъ бросилъ на него испытующій взглядъ, желая угадать, что произошло. Державинъ старался веселымъ видомъ показать, что гроза миновалась. Вскорѣ развязный и шуточный разговоръ его съ графомъ еще болѣе убѣдилъ присутствовавшихъ въ добромъ расположеніи къ нему главнокомандующаго. Выходя

изъ кабинета, графъ Панинъ пригласилъ его къ обѣду, за столомъ посадилъ его противъ себя и много съ нимъ разговаривалъ. Державинъ замѣтилъ *сильное любочестіе и непомѣрное тщеславіе* въ разсказахъ *этого, впрочемъ, честнаго и любезнаго начальника.* Послѣ обѣда графъ пошелъ отдыхать. Въ 6 часовъ пополудни свита, какъ дѣлалось обыкновенно при дворѣ Екатерины, опять собралась и въ этотъ разъ графъ Панинъ много разговаривалъ съ Державинымъ, вспоминая семилѣтнюю войну, турецкій походъ и особенно взятіе Бендеръ, которымъ онъ немало превозносился; при этомъ онъ часто возвращался къ мысли, которая напоминала и строгое письмо его къ Державину, т. е. что молодымъ людямъ во всѣхъ дѣлахъ нужна практика, потомъ Панинъ сѣлъ играть въ вистъ съ Голицинымъ, Михельсономъ и еще кѣмъ-то. Тутъ Державинъ испортилъ все дѣло одною неловкостью. Во время игры онъ подошелъ къ Панину и сказавъ, что ѣдетъ въ Казань къ генералу Потемкину, спросилъ, не угодно ли будетъ что приказать. Графъ не могъ скрыть своей досады и, отвернувшись, сухо отвѣчалъ: *нѣтъ*. Державинъ послѣ думалъ, что *ошибка* его состояла въ безцеремонности, съ какою онъ, не желая попусту тратить время, потревожилъ графа середи игры вмѣсто того, чтобы побыть еще въ мѣстѣ пребыванія главнокомандующаго и потомъ откланяться ему въ особомъ представленіи; но причина неудовольствія скрывалась кажется, глубже и объясняется отношеніями между Панинымъ и Павломъ Потемкинымъ Первый, послѣ пріема, сдѣланнаго имъ Державину

былъ непріятно пораженъ, услышавъ что онъ ѣдетъ искать благосклонности врага его. Нерасположеніе къ Державину снова пробудилось въ душѣ графа. Оно имѣло рѣшительное вліяніе на всю будущность Державина. Долго онъ не получалъ никакой награды за службу во время пугачевщины, тогда какъ сверстники его, употребленные въ эту же пору по секретной коммиссіи или по другимъ порученіямъ, были щедро награждены. Наконецъ онъ добился таки справедливости: черезъ два года послѣ казни Пугачева Екатерина пожаловала Державину 300 душъ въ Бѣлоруссіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, противъ своего желанія, переведенъ былъ въ гражданскую службу.

Послѣ того ему только разъ въ жизни довелось опять встрѣтиться съ графомъ Петромъ Панинымъ. Это было не задолго до смерти послѣдняго, въ 1789 году въ Москвѣ. Державинъ пріѣхалъ туда по тому поводу, что въ тамошнихъ департаментахъ сената производился надъ нимъ судъ по тамбовскому губернаторству, отъ котораго онъ былъ отрѣшенъ вслѣдствіе неудовольствій съ генералъ-губернаторомъ Гудовичемъ. Дѣло было уже рѣшено; Державинъ дожидался только объявленія сената, что нѣтъ препятствія къ отъѣзду его въ Петербургъ. Тогда-то и рѣшился онъ обратиться къ графу Панину, чтобы просить его помощи къ ускоренію выдачи этого объявленія. Къ чести Панина, говоритъ Державинъ въ своихъ запискахъ, должно сказать, что этотъ вельможа принялъ его благосклонно и исполнилъ его просьбу. Это окончательно примирило незлопамятнаго Держа-

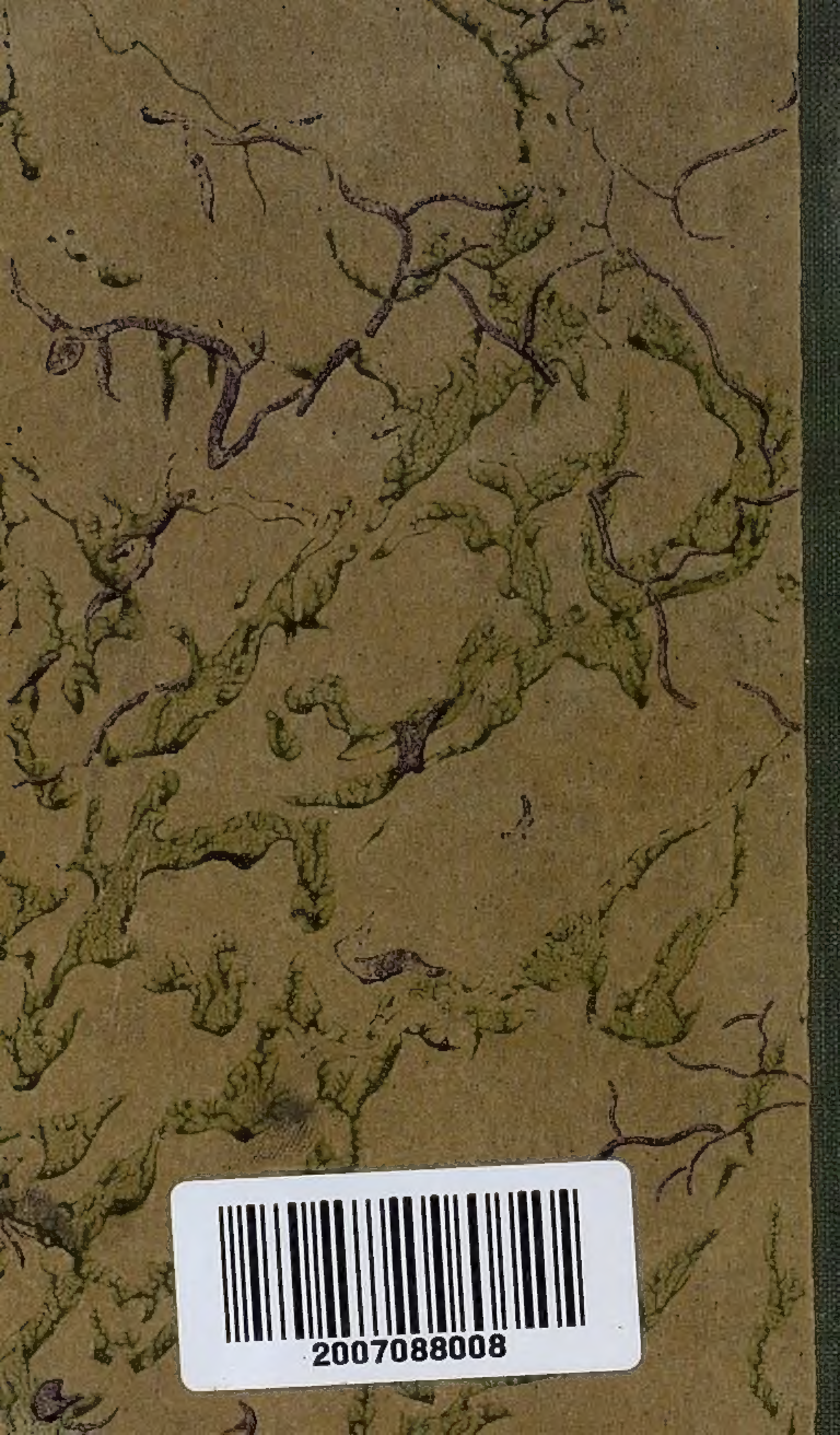
вина съ бывшимъ его начальникомъ. «Таковая благосклонность, думалъ онъ, единственно отъ добраго и сострадательнаго сердца происходила». Но тутъ же онъ прибавляетъ, что, по мнѣнію другихъ, графъ Панинъ помогъ ему изъ неприязни къ генералъ-прокурору князю Вяземскому, который тогда преслѣдовалъ Державина.

Я. Гротъ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 20 сентября 1863 г.

(Изъ С.-Петерб. Вѣд. № 210, 1863 г.)

Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.

2007088008